

Ли Чанъгэ долго возился, пытаясь понять, как надеть эту одежду. Переодеваясь, он заметил, что кожа стала светлее, а под ней проступил тонкий слой мышц. На животе едва заметно вырисовывались два кубика пресса — если не приглядываться, то и не увидишь.

Тело, и без того худощавое, стало еще более тонким, однако Ли Чанъгэ чувствовал необычайную легкость во всем организме. Облачившись в чистые одежды, он вернулся в комнату и обнаружил, что Хай Дафу уже встал.

— Дедушка, зачем же вы поднялись? Еще и рассвет не наступил, отдохнули бы еще немного, — Ли Чанъгэ поспешил к столу и с готовностью налил чашку горячего чая, протягивая ее Хай Дафу.

Тот принял чашку, сделал маленький глоток и произвел:

— Старость не радость, сон не идет. Сяо Гуйцзы, разве уже не пора рассветать?

Ли Чанъгэ мысленно выругался: откуда мне знать, я по времени не ориентируюсь.

Он на мгновение замер, взглядевшись в окно: небо действительно стало светлее, чем раньше.

— Вы правы, — ответил он.

Хай Дафу продолжил:

— Позавтракаешь и ступай к ним, поиграй в кости.

Ли Чанъгэ не спал всю ночь, но не чувствовал усталости. Однако событий произошло так много, что он на мгновение растерялся, не сразу сообразив, о чем речь.

Наконец, память вернулась: азартные игры, кабинет императора, кража Сутры сорока двух глав.

Ли Чанъгэ никогда не имел дела с азартными играми, а уж тем более с использованием костей, начиненных ртутью. Сердце его тревожно забилося, но он постарался сохранить невозмутимый вид и, не решаясь прямо отказать, перевел тему:

— Э-э... если я пойду играть, кто же присмотрит за вами, дедушка? Здоровье у вас слабое, оставлять вас одного я совсем не решаюсь. Может... подождем пару дней, как вам станет полегче, тогда и пойду? — осторожно предложил он.

Хай Дафу не рассердился, но голос его остался таким же мрачным:

— Если выполнишь мое поручение, это будет важнее всего остального. Принеси кости, попробуй бросить.

Ли Чанъгэ пришлось набраться смелости:

— Дедушка, у меня голова еще болит, не помню, куда я положил кости.

Хай Дафу хмыкнул:

— Бестолочь, из-за пустяка так перепугался, что все порастерял. Кости лежат в шкатулке, как им и положено.

Ли Чанъгэ нехотя поплелся к шкатулке. Повозившись, он наконец достал кости, подошел к Хай Дафу, взял их в ладонь и слегка подбросил, проверяя вес. Он старался почувствовать, как внутри переливается ртуть, пытаюсь привыкнуть к весу и ощущениям. Его чувства обострились вдвое по сравнению с прошлым, поэтому он надеялся быстро освоить технику.

Должно быть, это несложно? Ли Чанъгэ не был уверен, но выбора не оставалось.

— Ну чего ты тянешь? Столько времени тренировался, а толку никакого, только ленишься, — Хай Дафу, растрепанный и недовольный, откинулся на спинку стула. — Даю тебе десять попыток, чтобы выбить «небо».

Ли Чанъгэ скривился. Это же надо — такое задание! Он никогда не держал кости в руках, как он может выбить «небо»? Пришлось действовать на удачу: он сосредоточился, сложил ладони лодочкой, потряс кости и с силой бросил их в чашу.

К счастью, его младший брат в прошлой жизни был заядлым игроком и часто пропадал с местными гуляками, так что Ли Чанъгэ хотя бы знал, что такое «небо». Иначе он бы даже не понял, чего от него требуют.

Шесть раз подряд он бросал кости, и каждый раз до «неба» не хватало совсем чуть-чуть. Чтобы выбить «небо», нужно было, чтобы на всех шести костях выпала шестерка. Для новичка выбрасывать по пять шестерок было уже выдающимся результатом.

На восьмой раз Ли Чанъгэ схитрил: он уложил кости шестерками вверх в ладони, выстроил их в два ряда и, перевернув, аккуратно опустил в чашу, слегка поправив их положение, чтобы не выглядело слишком идеально.

— Дедушка, я выбил «небо», — Ли Чанъгэ улыбнулся и протянул чашу Хай Дафу, чтобы тот мог проверить.

Старик удовлетворенно кивнул, его тон стал менее ледяным:

— Сойдет. Наконец-то есть прогресс. Возьми пятьдесят лямов серебра и иди попытай удачу.

— Слушаюсь.

Ли Чанъгэ достал деньги из шкатулки. В главном зале на столе уже красовались изысканные яства, источающие аппетитный аромат. Он никогда не видел столько вкусной еды и невольно сглотнул слюну, с тоской глядя на дымящиеся блюда. Но есть он не смел — старая черепаха наверняка добавила туда яда.

Нет ничего мучительнее, чем видеть перед собой пир и не иметь возможности прикоснуться к нему.

Хай Дафу, заметив, что Ли Чанъгэ застыл на месте, поторопил его:

— Сяо Гуйцзы, чего встал? Позавтракай и убирайся отсюда.

— Э-э, иду, — Ли Чанъгэ с кислой миной сел за стол.

Понимая, что избежать отравления не удастся, он решил не сопротивляться — рано или поздно он найдет способ вывести яд из организма. Пытаясь найти хоть какую-то радость, он пробовал каждое блюдо по чуть-чуть, особенно опасаясь горячего супа в центре — к нему он решил не прикасаться вовсе.

Еда во дворце была невероятно вкусной, просто пальчики оближешь. Наскоро перекусив, Ли Чанъгэ вытер рот и громко объявил:

— Дедушка, я пошел играть!

— Хе-хе, я месяцами тебя тренировал, не забудь о главном деле. Как выиграешь денег, обязательно одолжи их братьям Вэнь, понял? — прошептал Хай Дафу.

Ли Чанъгэ остановился у двери:

— Понял, понял, обязательно выполню ваше поручение, сделаю так, чтобы братья Вэнь одалживали все больше и больше.

— Дедушка, я ушел, — Ли Чанъгэ с сияющей улыбкой распахнул дверь. Наконец-то он подальше от этой старой черепахи!

Выйдя из внутреннего двора, он не спеша прогуливался по галереям, любуясь величием императорского дворца: расписными карнизами и мощными сводами. Солнце только встало, было около семи утра. Ли Чанъгэ запоминал маршрут и искал место, где евнухи собираются для игры.

Вскоре, проходя мимо невзрачной боковой комнаты, он услышал шум.

— Ставь! Ставь скорее!

— Ставлю один лян!

— А я пять!

Ли Чанъгэ тихо приоткрыл дверь. Внутри стоял гам, слышался стук костей, чьи-то радостные возгласы и проклятия.

— Ставлю! Ставлю!

— Больше! Больше!

— Меньше!

Евнухи, окружившие стол, при виде Ли Чанъгэ испуганно попрятались под стол — азартные игры во дворце карались очень строго, вплоть до пыток в Управлении наказаний.

Один из смельчаков, увидев, что перед ним всего лишь маленький евнух, спросил:

— Ты кто такой?

— Я Сяо Гуйцзы, из покоев дедушки Хая, — с улыбкой ответил Ли Чанъгэ.

Остальные высунулись из укрытий. Молодой евнух лет восемнадцати, жеманно сложив пальцы, указал на него:

— Слышал о Сяо Гуйцзы, но никогда не видел.

— Старик Хай очень строг со своими подчиненными, как же ты выбрался? — пропищал другой евнух.

— А нас никто не видел, когда ты шел? — подозрительно спросил третий.

Ли Чанъгэ, чтобы втереться в доверие, похлопал себя в грудь и сочинил историю о том, что он свой человек, пришел поиграть и вовсе не сбегал, так что неприятностей не будет. Благодаря своему красноречию он наконец добился того, чтобы его допустили к игре.

Комната снова наполнилась шумом.

— Старый У, сейчас будет проигрыш, ставь побольше! — крикнул один из евнухов.

— Хорошо, ставлю два ляна.

Ли Чанъгэ, припав к столу, выложил свои деньги:

— Ставлю один лян!

Все вокруг были заядлыми игроками. Банкомет, крупный евнух, что-то бормоча, потряс кости в руках и под крики толпы бросил их на стол:

— Больше! Больше!

Игра шла с переменным успехом, но Ли Чанъгэ везло, он выиграл уже десяток лянов. Когда очередь дошла до него, остальные начали требовать, чтобы он ставил больше. Ли Чанъгэ понял, кто здесь братья Вэнь — они постоянно проигрывали из-за своей жадности.

Он незаметно подменил кости на свои, ртутные. Даже если не получится выбить «небо», шансы на девятку были огромными.

— Смотрите внимательно, господа! — он подул на кости и бросил их на стол. Шесть шестерок.

— Сорвал куш! — Ли Чанъгэ сгреб деньги и серебряные банкноты к себе. Он никогда прежде не видел столько денег.

Остальные застонали от досады. Братья Вэнь, посидев в оцепенении, буркнули:

— Больше не играем, сегодня не везет, уходим.

Ли Чанъгэ только этого и ждал. Он перехватил их на выходе, размахивая деньгами:

— Куда же вы? Оставайтесь, может, в следующий раз отыграетесь?

Братья Вэнь развели руками:

— Проигрались в пух и прах, денег нет.

— Подумаешь, беда! Я вам одолжу, как выиграете — вернете, — Ли Чанъгэ великодушно достал из рукава две банкноты по пятьдесят лямов и протянул им.

— Хорошо, хорошо! Идем, продолжим, в этот раз мы обязательно отыграемся! — братья Вэнь смотрели на него как на богача.

Троица вернулась к столу. К полудню Ли Чанъгэ одолжил им уже двести лямов, оставив себе лишь семьдесят-восемьдесят. Дальше он перестал пользоваться ртутными костями, опасаясь разоблачения, и играл уже на чистой удаче.

<http://bllate.org/book/19451/1907792>